

18+

Мария Терасимова

PRIMAVERA

набор

Мария Герасимова

Primavera навсегда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39144074

ISBN 9785449367013

Аннотация

Автор рассказывает о том времени, когда ей довелось работать директором казанского камерного оркестра «La Primavera», о его создателе Рустеме Абязове и самом оркестре. Книга, написанная в 1998 году, пролежала в архиве автора 20 лет и, обнаруженная случайно, наконец, увидела свет. Герои книги – известные люди культурной жизни Татарстана, России и Европы, а на её страницах разворачиваются давно прошедшие события. Книга написана легко и состоит из эссе автора и интервью с известными персонами.

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	8
О пользе архивов	8
PRAEFATIO	16
Памяти друга	17
PROLOGUS	19
Camel Trophy	20
ЧАСТЬ 1	23
Время	24
ЧАСТЬ 2	32
Крёстный отец	33
ЧАСТЬ 3	39
Тёмное дело	40
ЧАСТЬ 4	75
Карьерист	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Primavera навсегда

Мария Герасимова

Корректор Галина Слесарева

Корректор Венера Аминова

Корректор Анна Абрамова

Переводчик татарского и английского текста Лейла

Еникеева

Переводчик и корректор татарского текста Альбина

Субаева

Переводчик и корректор английского текста Павел Куле-

ШОВ

Переводчик и корректор французского текста Эльмира

Хабибуллина

Переводчик немецкой прессы Роза Закирова

Дизайнер обложки Мария Герасимова

© Мария Герасимова, 2025

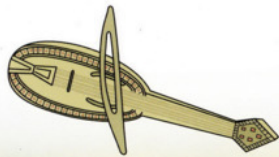
© Мария Герасимова, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-4493-6701-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

~~Ut queant laxis
Resonare fibris,
Mira gestorum
Famuli tuorum,
Solve polluti
Labbii reatum,
Sancte Iohannes.~~

Ut queant laxis
Resonare fibris,
Mira gestorum
Famuli tuorum,
Solve polluti
Labbii reatum,
Sancte Iohannes.

Автор времён работы в оркестре

ВСТУПЛЕНИЕ

О пользе архивов

О пользе архивов уже давно никто не спорит. Там можно найти великое множество преинтереснейших вещей. Мой архив не исключение. В него я и заглянула недавно в поисках одного письма. Но, закрывая шкаф, я наткнулась взглядом на пакет, который раньше не замечала. Открыла. Там старая папка с крупной надписью на обложке: «**АБЯЗОВ**». Что же это может быть? История с работой в оркестре Абязова уже давно подёрнута туманной пеленой прошедших лет... Открыла папку. И на первом же листе увидела заголовок: «*Гастроли казанского камерного оркестра „La Primavera“ в Швеции, июль 1999 года*».

О боги! Как же это давно было!

И сразу за первым листом с расписанием гастролей, в отдельной пластиковой папке, увидела распечатанную вёрстку книги, которую я написала к десятилетию оркестра!

Да... Видимо, Мойры всё ещё плетут эту нить...

Нахлынули воспоминания.

Эта история с моей работой директором камерного оркестра Абязова была насыщена самыми разными и интересными событиями. И в том числе написанием книги об ор-

кестре и о самом Абязове. Тогда, почти двадцать лет назад, я написала её, сверстала, но она так и не увидела свет, не попала к читателям. Причины, по которым ситуация сложилась именно так и никак иначе, сегодня уже неважны. Важно другое: слово, однажды произнесённое, должно быть услышано теми, кому оно предназначалось. И фраза из последней главы «... мы можем... творить вещи, которых прежде не было и которые, если их завершить, будут жить без нас» относится не только к музыке. К слову, однажды сказанному или написанному, она тоже применима.

Читая распечатку вёрстки, я всё больше погружалась в прошлое. Краски, звуки, ароматы... Как из случайно раскрывшегося ларца водопадом рассыпаются драгоценности, так память заискрилась водопадом воспоминаний: вспыхивали картины и образы далёких дней и событий, я видела лица людей, живших и творивших тогда рядом со мной, слышала их голоса...

Бывает, мы хотим вернуться в прошлое. Воскресить давно минувшее. Открыть капсулу с законсервированным временем. И снова ощутить волшебство тех дней, которые подарили нам восхитительные моменты. Именно это и случилось, пока я читала.

И стало понятно, что эту книгу надо издать. Пусть и через двадцать лет. К тому же недалеко и тридцатилетие оркестра. Ведь первый концерт прошёл 24 ноября 1989 года в Актовом зале консерватории. Значит, через год, в 2019 году, оркестру

30 лет!

Чем больше я «думала эту мысль», тем более утверждалась в своём решении. И хоть Главный Искуситель и шептал за плечом: *«Да кому она нужна через двадцать лет?»*, я всё же не поддалась и осталась при своём мнении – издать!

Размышляя над этой идеей, вдруг подумала, что стоило бы встретиться со всеми персонами из этой книги, со всеми, с кем смогу, и спросить их, как они жили эти двадцать лет, чего достигли, что осуществили, чего ещё желают. Но потом поняла, что это будет уже совсем другая история. А моя, та самая – вот она! Такая, какая была. И не нужно примешивать к ней ингредиенты, которые могут только изменить угол зрения. И я решила оставить всё как есть.

К тому же, если я сейчас пойду «по городам и весям», издание книги снова отложится на неопределённый срок. Кто-то скажет: двадцать лет лежала и ещё два месяца полежит. Но нет! Мойры, конечно же, терпеливы, но лучше их не искушать!

В этой книге, кроме моих эссе, собраны ещё и интервью с людьми, которые так или иначе были в орбите Рустема Абязова и его оркестра.

К сожалению, время быстротечно, и некоторых уже нет с нами. Но тем ценнее их слова: они смогут оживить для нас их мысли и чаяния. Их голоса со страниц этой книги воскресят для нас их лица и угасший жар сердец.

Кто-то узнает себя, кто-то вспомнит, чем жил в то время,

кто-то оценит пройденный путь.

За эти двадцать лет люди, живущие в этой книге, смогли осуществить свои творческие планы и мечты, кто-то перешёл на более высокие должности, кто-то, как Диоклетиан, занялся выращиванием капусты, а оркестр гастролировал в десятках странах и городах и дал сотни концертов. И если перефразировать знаменитое выражение *«это были времена, когда деревья были большими»*, я могу сказать, что это были времена, когда Шаймиев ещё был президентом Татарстана, Исхаков – мэром Казани, а Казанский университет – просто КГУ. Кто жил тогда в Казани, в этом странном городе, тот поймёт.

А на самом первом листе распечатки, рядом с последним предложением вступления: *«Все интервью в этой книге записаны в течение 1998—1999 годов»*, корректор двадцать лет назад написала красной ручкой: *«По-моему, добавка лишняя»*. Тогда – да, сегодня – нет. Сегодня она актуальна!

Фотосопровождение к книге, собранное мной тогда, «погибло» вместе с тем компьютером, в котором книга была свёрстана. Так что я вновь подобрала фоторяд из старых фотографий тех времён, шведских буклетов, нескольких цветных распечаток макета, тоже обнаруженных в этой старой папке вместе с распечаткой текста с пустыми глазницами вместо фотографий, и кое-что взяла из интернета. И создала новый облик книги. Но текст я не тронула. Он такой, каким

был тогда, двадцать лет назад.

Тогда же преподавателями Казанского университета были сделаны и переводы избранных частей книги на три языка – татарский, английский и французский. Они идут друг за другом в конце книги. По какому принципу я делала выборку и по какому принципу университетские преподаватели переводили её, уже не помню. Так что переводы тоже оставлены без изменений.

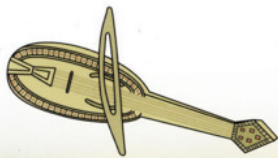
И вслед за Пушкиным мне только и осталось повторить:

*Но так и быть – рукой пристрастной
Прими собранье пёстрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, лёгких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.*

USA. D. USA. D. USA. D. USA. D.

LA PRIMAVERA

X

М. С. Д. М. С. Д. М. С. Д. М. С. Д.

ТОРЖЕСТВЕННАЯ
МЕССА
с
Прологом, Интермедией
и
Апофеозом
для
камерного оркестра,
солистов
и
хора
в
девяти частях

ТРИДЦАТИЛЕТИЮ

камерного оркестра

Рустема Абязова

"La Primavera"

посвящается

PRAEFATIO

Михаил Александрович Теплов

Памяти друга

Начиная собирать материал для этой книги, я, как это свойственно многим, перенеслась мысленно в тот осенний вечер 1999 года, когда в одном из казанских залов пройдёт юбилейный концерт «La Primavera». Потoki света, праздничное настроение, смокинги, декольте... И выйдет на сцену Михаил Александрович Теплов, именно он, и никто другой, и скажет: *«Здравствуйте! Я приветствую всех вас, собравшихся сегодня здесь, чтобы поздравить с десятилетием наш любимый оркестр и его великолепного дирижёра Рустема Абязова!»*

И вот, мы сидим с вами в этом зале, горят люстры, у нас действительно праздничное настроение. Только Михаил Александрович не выйдет на сцену. Он умер. Умер неожиданно и далеко от родного города летом 1998 года. А ведь именно его действия стали тем связующим фактором, той точкой отсчёта, которую называют иногда «Судьба». Он замкнул совершенно не связанные друг с другом события, и вот уже десять лет звучит в концертных залах дивная музыка в исполнении камерного оркестра «La Primavera» под управлением Рустема Абязова!

Давайте же будем помнить об этом мягком, интеллигент-

ном человеке и о его роли в нашей музыкальной истории.

PROLOGUS

Ташёвка

Camel Trophy

Вы когда-нибудь бывали на Camel Trophy? Думаю, нет. Ведь попасть туда невероятно сложно. Но, как выяснилось, совершенно не обязательно владеть английским и ехать в Африку или Южную Америку. Достаточно поехать на дачу к другу детства.

...Самое начало последнего месяца лета. 8 августа 1998 года, суббота. Мы едем с Абязовым в Ташёвку, к его однокласснику Олегу Сакмарову, который приехал из Питера в Казань в отпуск. День вроде ничего, только ветер сильный. Дорога покорно ложится под колёса абязовской «Оки», отражая свет, слепит глаза Волга. Природа постепенно становится многоцветной: пронзительно голубое небо, громады белоснежных облаков, зелёная и бурая листва, жёлтые и фиолетовые поля, и над всем этим сияет высокое августовское солнце...

Любоваться природой пришлось недолго. Абязов знает только одну дорогу: дойти по воде на «Ракете» и потом пять минут немного направо в гору. На машине он не ездил туда ни разу. Становится весело. Состояние наших дорог уже на выезде из города даёт много поводов для шуток. Но чем дальше в лес, тем, как известно, больше рытвин. Мы начи-

наем спрашивать дорогу у всех подряд, плутаем, и, наконец, кто-то с завидной убеждённой в голосе показывает нам направление, утверждая, что это хоть и не близкая, но самая лучшая дорога. Его бы слова да богу в уши! Если эта – лучшая, то какова та, что поплоче?! Крен машины в 45 градусов – это детские игры по сравнению со всем остальным. Маленькая юркая «Ока», даром что не «Lend Rover», как храбрый альпинист карабкается на крутые горки из глубочайших ям, колёса попеременно лишаются колеи, тряска невообразимая. Хорошо ещё, что не было дождя – под колёсами-то глина.

Camel Trophy в подмётки не годится нашим родным просторам!

В таких условиях мы приближаемся к деревне. Там дорога не лучше, и, наконец, её перегораживает местный «кирпич» – бревно поперёк улицы. Абязов идёт на разведку. Повезло: мы в пяти минутах ходьбы от дома. Цель достигнута!

Дом на горке, продуваемый свистящим волжским ветром, который потом будет звучать постоянным фоном из диктофона с записью наших разговоров; старый школьный друг, с которым Абязов вместе вот уже почти 35 лет. Джинсы и простая рубашка вместо фрака и шампур с шашлыком вместо дирижёрской палочки сделали из дирижёра просто чело-

века. Он шутит, улыбается, воспоминаниям нет конца. Они совершенно противоположны, но это их и объединяет. Единство противоположностей в действии. Вокруг суета: варят картошку, режут салат... Садимся за стол, и первый тост – Абязова:

Рустем Абязов:

— Приятно вас всех видеть живыми, здоровыми, весёлыми и симпатичными!

Олег Сакмаров:

— А я лежу на столе, дремлю, вдруг вижу – Абязов идёт. Думаю, вот ведь глюк какой!

Рустем Абязов:

— Да ты на меня в упор смотрел и даже не пошевелился, пока я тебя не окликнул.

Олег Сакмаров:

— А я решил, что мне это снится, и не хотел просыпаться.

Хорошие сны снятся друзьям детства!

ЧАСТЬ 1 SANCTUS

Рустем Абязов в музыкальной школе

Время абсолютной культовости

Вот ведь удивительная вещь – советская специализированная музыкальная школа, совершенно нищая, где культивировалась исключительно классическая музыка, а все новомодные веяния того времени принимались в штыки, – и да-ла деньги на покупку аппаратуры для школьного эстрадного ансамбля!

Вадим Афанасьев, скрипач, профессор Казанской консерватории:

– Пришёл такой маленький мальчик Рустик за ручку с дедушкой. Я, как директор ССМШ, и принимал его в первый класс. С первых дней был на хорошем счету.

Марат Ахметов, скрипач, профессор Казанской консерватории:

– Рустема я знаю со второго класса школы. Мне импонировала его опрятная игра, всё так чистенько. Сразу стало заметно, что он отличается от сверстников одарённостью, хорошо развивался, и техника была на высоте. Бойкий был скрипач, и в своих выступлениях оставался деликатным.

Ирина Дубинина, пианистка, профессор Казанской

консерватории:

– Я его помню ещё с первого класса. Был такой прелестный, талантливый маленький скрипачик.

Борис Каплун, скрипач, профессор Казанской консерватории:

– Помню его ещё со школы. Я тогда вёл предмет «Камерный оркестр», Рустем его посещал. Хороший был мальчик, способный. И вырос в весомого музыканта.

Георгий Кантор, музыковед, профессор Казанской консерватории:

– Я знаком с Абязовым более 20 лет. А впервые услышал его ещё мальчиком, когда он учился в ССМШ. Уже тогда он обращал на себя внимание и было ясно, что у него есть талант. Повзрослев, он превратился в великолепного скрипача с ярко выраженной артистической внешностью.

Олег Сакмаров, музыкант рок-группы «Аквариум»:

– Бывают друзья детства, школьные друзья. Но встретишься с ними через много лет и понимаешь: ничего общего не осталось, говорить не о чем, изменился человек. С Абязовым не так. Это, пожалуй, мой самый старый и верный друг, с которым я дружусь с шести лет. А крепкая дружба началась с 4—5 класса, когда мы сели за одну парту. И так осталось на всю жизнь. Я не могу говорить о нём

ни объективно, ни искусствоведчески, анализ его действий мне не по силам, я его просто безумно люблю и уважаю как друга и достойного человека! Он всегда был для меня образцом для подражания. И источником ревности. Вот такая ревностная дружба. Она держалась на неосознанном желании каждого быть первым. Время тогда было такое – соревновательное.

Рустем Абязов и Олег Сакмаров на концерте в Казани

Как им удалось уговорить администрацию купить аппаратуру для школьного ансамбля, останется тайной, потеряв-

шейся в тех, уже совсем далёких 70-х годах. Наверное, не последнюю роль сыграла бурная увлечённость общественной деятельностью школьного масштаба. Аппаратура была куплена – детство кончилось. В восьмом классе они создали свою рок-группу, которая называлась «Диез». Ну и что такого, скажете вы, обычный музыкальный термин. Но, оказывается, он складывался из названия английской группы «Deep Purple» и английского же «yes».

Олег Сакмаров:

– Такого энтузиазма, как в школе, я не припомню за всю жизнь! Наша аппаратура хранилась в подвале, и мы каждый вечер переносили её через три этажа в спортзал, где нам было разрешено репетировать, а потом спускали обратно. Мы способны были три тонны этой аппаратуры таскать каждый день туда-сюда только для того, чтобы порепетировать после занятий. Удивительный энтузиазм на голодный желудок! У нас была конкурирующая группа из старшего класса, но она больше месяца не выдержала. А вообще, в школе наш класс и комитет комсомола во главе с Абызовым играли заметную роль. У нас была революционно-традиционная форма того, что сейчас называется «тусовкой». Мы занимались многими вопросами школьной жизни, вплоть до распределения стипендий учащимся. Директор нам доверял, хотя окончательное решение оставалось за ним. Нас

ведь тогда никто не организовывал, мы сами себя организовывали. Однажды, например, провели несколько благотворительных концертов в детских садах. А такого рок-н-ролла, как тогда в школе, я никогда больше не играл и не слышал, хотя чего я только за жизнь не прослушал и не сыграл! Такой был восторг от игры на бас-гитаре, на саксофоне, на электрооргане! Сумасшедшее, счастливое время! Это безумно нравилось и нам, и окружающим девушкам. Настоящий рок-н-ролл!

20 лет спустя в Ленинграде бывший ученик 131-й казанской школы Саша Проказин откопал в завалах старых плёнок пиратскую запись одного из концертов «Диеза» и, позвонив Сакмарову, сказал, что они играли «круче всех».

Летом они выезжали играть на танцах в пионерлагеря на Волге. Играли и в Ташёвке, где сейчас у Сакмарова дача, но основной их базой были Гребени. И платили им за это зарплату «натурой» – жильём и прокормом. Весь этот фейерверк продолжался два месяца.

Музыканты жили в отдельной комнате на втором этаже и лазили туда в окно по приставной лестнице. К концу второй смены они легко карабкались по ней с ведрами воды, совершенно не держась. Высший пилотаж! По вечерам Олежка доставал саксофон и играл отбой: тара-тада-таа-раа... – плыла над лагерем сонная мелодия. Они пользовались просто

бешеной популярностью и даже выполняли воспитательные функции – имели право не допускать провинившийся отряд на танцы. Санкции были суровы: чтобы попасть на дискотеку, наказанные должны были начистить картошки на весь лагерь, иначе... Как вы понимаете, никто не отказывался.

На танцы съезжались на тракторах со всех окрестных деревень парни в телогрейках и сапогах и «тусовались» вместе с «лагерными». В 10 часов объявлялся отбой для младших отрядов, и те слушались беспрекословно. Это был единственный образец дисциплинарной системы, которая строилась на принципе сознательного творческого принуждения. Если всё же младшие упрямылись, лихой ансамбль просто прекращал играть в ожидании повиновения. Старшие «проявляли активность», и дискотека возобновлялась.

Олег Сакмаров:

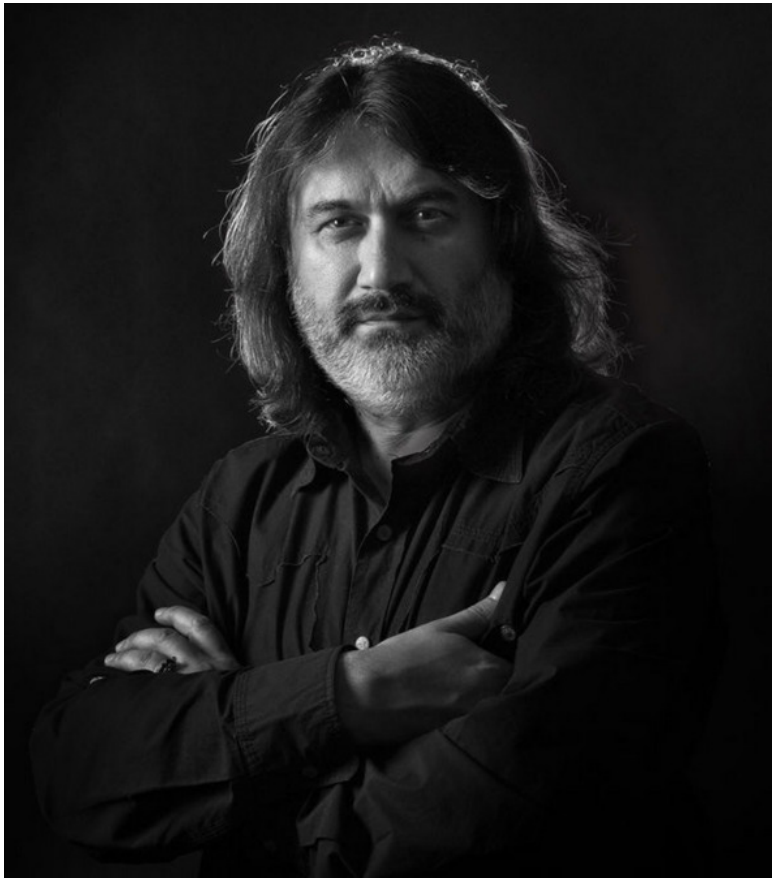
– Наверное, тогда энергия от нас исходила такая. Такого уровня славы, такого народного почитания, как в Гребенях, я не испытывал никогда. Абсолютная культовость! Обычная расстановка сил: я – на саксофоне и на флейте, Рустем – на гитаре. А здесь мне пришлось на бас-гитаре играть, Зельфире – все клавишные партии исполнять, а Рустеку – на гитаре играть и песни петь. Ударника у нас не было, и вместо него мы нашли какого-то десятилетнего мальчика в одном из отрядов. Он нам замечательно

на барабане колошиматил, и за два месяца мы подружались.

Рустем Абязов:

– А я с ним сейчас почти каждый день вижу. Он работает в УНИКСе, Костей его зовут.

...Под вечер мы дружно полезли на гору в старый заброшенный пионерский лагерь, где когда-то, «тысячу лет назад», играл заливчатский рок-ансамбль музыкальной спецшколы. Ветер трепал траву между облезлыми корпусами, Волга как бы парила в невесомости, на другом берегу, отражая вечернее солнце, миражами белели здания Борового Матюшино, маленькой ещё лодочкой казался теплоход, идущий откуда-то сверху, а чуть правее удалось разглядеть в бинокль Гребени. Те самые...

Рустем Абязов

ЧАСТЬ 2 BENEDICTUS

Михаил Александрович Теплов

Крёстный отец

Знаете ли вы, что появлением этого оркестра мы обязаны... японцу?

Началось всё с того, что к Михаилу Александровичу Теплову, в то время проректору Казанского государственного университета, приехал в гости японец – поработать месяца три. И надо было ему обеспечить культурную программу.

Михаил Теплов, физик-экспериментатор, профессор КГУ:

– Мы обошли все театры, не раз сходили и в консерваторию. Гость стал заметно скучать – настало время предложить ему что-то новое. И однажды вечером жена сказала мне, что скоро в ССМШ концерт учащихся. На концерте японец мой пришёл в наивысшую стадию восторга! Он всё щёлкал фотоаппаратом и даже попал в неловкое положение: у него начала автоматически перематываться плёнка именно в тот момент, когда необходима была полная тишина. Он очень смутился. Этот концерт произвёл большое впечатление и на меня, и через некоторое время я решил попробовать что-то изменить в жизни университета, введя в орбиту его жизни музыку. Не поговорив предварительно ни с кем из начальства, я пошёл к Абязову

и предложил ему идею создания камерного оркестра. Выяснилось, что он меня опередил. Моя мысль – посадить концертмейстерами профессионалов, а музыкантами – студентов университета – была Абязовым отвергнута категорически. Он оказался человеком принципиальным и твёрдым и сказал: «Никакого дилетантства, только профессиональный оркестр, тем более что он уже существует». Но профессиональному оркестру надо платить, а где взять деньги? КГУ был тогда более благополучен, но всё-таки не до такой степени. И я начал прикидывать, кто из держателей денег может это осилить. Только тогда я пошёл разговаривать с ректором. Идея понравилась, созданся такой своеобразный негласный «комитет по этой мысли». Все понимали, что рассчитывать можно только на спонсорство «купецов» (это было как раз начало кооперативного движения). Нашли таких, кто был кое-чем обязан университету, и они согласились. Первый концерт в Актовом зале КГУ состоялся 12 июня 1990 года.

Александр Коновалов, академик, ректор КГУ с 1979 по 1990 год:

– Очень хорошо помню эту ситуацию. Я только что вернулся из Рио-де-Жанейро с конференции «Международной Ассоциации университетов». Там перед ректорами выступил симфонический оркестр одного из местных университетов. Это произвело

на меня большое впечатление. По возвращении я рассказал на ректорате о своей поездке, в том числе и об оркестре, и высказал мысль о создании чего-то подобного и у нас. Может, всё так и осталось бы на уровне идеи, но через некоторое время ко мне пришёл Михаил Александрович Теплов и сказал, что есть группа музыкантов, которая могла бы составить основу такого оркестра. Это как раз и была группа Абязова. Я согласился. Вскоре подписал и приказ. К сожалению, это событие пришлось на окончание моего ректорства, так что мне не удалось самому до конца осуществить эту идею. Это полностью заслуга Михаила Александровича. А оркестранты до сих пор называют его крёстным отцом.

Самый первый концерт оркестра, тогда ещё без своего красивого названия, без университетской «крыши», состоялся 24 ноября 1989 года в Актовом зале консерватории, на фестивале специальных музыкальных школ страны. 12 января 1990 года они участвовали в концерте памяти Назиба Жиганова, а в феврале-апреле – концертах в консерватории. Уже тогда они играли Вивальди, Баха, Стамица, Моцарта, Бриттена, Равеля...

И вот 12 июня 1990 года – первый концерт в КГУ, в историческом зале с его *«уникальной акустикой, непередаваемой атмосферой красоты и ощущением незыблемости культурных традиций университета»*, как писал профессор

Давид Исаакович Фельдман. Непросто было уговорить администрацию и учёный совет КГУ разрешить проведение концерта в Актовом зале. Хотя его и использовали для торжественных заседаний, но в основном он оставался музеем. А здесь надо было пустить людей, поставить рояль! Уникальная мебель, старинный паркет. В реставрацию зала были вложены большие деньги – превращать его в концертный зал казалось тогда кощунством.

Михаил Теплов:

– Больше всех против был профессор Левинсон. Он как никто другой знал, чего стоила реставрация, но даже он позже признал правильность этого решения. Акустика в Актовом великолепная, как раз для такого оркестра. Задняя стена достаточно далека для того, чтобы звук, уходя в глубь зала, ни во что не упирался и не возвращался отражённым. Реверберации нет. Правда, после того как убрали сцену, звук стал немного глуше, но эффект всё равно сохранился. Я не могу назвать появление в этом зале оркестра Абязова «счастливой случайностью», как говорят некоторые, всё-таки здесь выступал и квартет Бородина, и другие музыканты. Во время ремонта зал как-то выпал из музыкальной жизни Казани, но ремонт закончился, и зал снова «ожил».

Профессор Давид Исаакович Фельдман в статье университетской газеты по этому поводу, описывая реакцию зала

и свои ощущения от концерта, говорил, что «хорошая музыка объединяет людей, заставляет их сердца биться в унисон независимо от места, страны и национальности слушателей».

Решение о создании камерного оркестра в КГУ было принято 29 мая 1990 года.

Юрий Коноплёв, ректор КГУ с 1990 года:

– Когда создавался оркестр, я был проректором по международным связям. Помню, как обсуждался вопрос о его создании на ректорате. Все были согласны. На первые концерты мало кто ходил. Были заняты только несколько рядов. Но, выступая перед их первым концертом, я сказал: «Не сомневаюсь, пройдёт несколько лет, и этот зал будет полон». Когда отмечали пятилетие оркестра, зал был забит до отказа!

В этом триумфе пятилетнего юбилея было невыразимо приятно видеть Михаила Александровича Теплова с его всегда мягкой улыбкой, лучезарными глазами и манерами университетского профессора. Я не знаю, что он чувствовал в этот вечер, но в конце XX века этот человек возродил и воссоздал средневековую идею гуманизма, привёл науку и искусство к «единому знаменателю», и, как много веков назад, в стенах ещё одного университета, на сей раз Казан-

ского, зазвучала музыка университетского оркестра. А его музыканты, будто бы средневековые менестрели, шагнувшие из глубины веков, материализовавшись как бы из воздуха, протянули музыкальную нить Ариадны, соединив пространство и время.

Один из первых концертов в Актовом зале КГУ

ЧАСТЬ 3

KYRIE ELEISON

Ноты Моцарта

Тёмное дело

Партитуры симфоний и концертов как загадочные иероглифы, умершие, казалось бы, давно, но всё ещё звучащие отражёнными голосами. Нотное письмо ласкает глаз не меньше, чем сама музыка – слух. Черныши гамм, как фонарщики, лезут вверх и вниз. Каждый такт – лодочка, гружённая изюмом и чёрным виноградом. Нотная страница как диспозиция боя парусных флотилий, как план, по которому тонет ночь, организованная в косточки слив.

Громадные спуски шопеновских мазурок, широкие лестницы с колокольчиками листовских этюдов, моцартовские висячие парки с куртинами, дрожащие на пяти нитях, подстриженный кустарник бетховенских сонат – миражные города нотных знаков стоят как островки в океане кипящей смолы. Нотный виноградник Шуберта расклёван до косточек и исхлёстан бурей. Черепахи, вытянув нежную голову, состязаются в беге – Гендель. Когда сотни фонарщиков с лесенками мечутся по улицам, подвешивая бемоли к ржавым крюкам, укрепляя флюгера дизевов, снимая целые вывески поджарых тактов, – это Бетховен. Но когда кавалерия восьмых и шестнадцатых в бумажных сутанах с конскими значками рвётся в атаку – это тоже Бетховен. Нотная страница – это революция в старинном немецком городе.

Гомон скворцов, распрягают карету князя, шахматисты выбегают из кофеен, размахивая ферзями и пешками... Из кареты выходит князь. Небрежным движением плеча роняет соболиную шубу на снег, и она застывает чёрной восхитительной громадой, шёлково переливаясь. Князь во фраке. Длинные волосы перебирает морозный ветер. Он проходит анфиладу залов, сами собой распахиваются перед ним двери, дворец освещается светом сотен свечей... Это Рихард Вагнер, великий немецкий композитор. Он открывает последнюю дверь, и перед ним сцена дворцового театра. На сцене его ждёт оркестр. Он проходит на дирижёрское место, берёт в руки палочку и, оглядев зал, взмахивает... Нет, нет. Он только поклонился залу и повернулся к оркестру. По рядам зрителей пробегает ропот: *«Как? Он отвернулся от нас?!»*

Да! Именно Вагнер впервые встал лицом к оркестру, как бы полностью соединившись с музыкантами, произведя тем самым переворот в искусстве дирижирования. Но оставшись, как и прежде, связующим звеном между оркестром и молча внемлющих потоку звуков немymi рядами за его спиной.

Рустем Абязов:

– *Очень фальшиво! Ещё раз, пожалуйста.*

Уважаемые коллеги, думаю, что музыкант, считающий себя профессионалом, должен играть всегда чисто, тем более выученные вещи. Этот концерт вы и среди ночи должны сыграть, а вы каждый раз как будто впервые видите ноты. Соберитесь, пожалуйста, и защитите своё достоинство. Владимир Спиваков как-то сказал: «Музыкантам должно быть не страшно плохо сыграть, а стыдно плохо сыграть». Играйте так, чтобы вам не было стыдно.

Шла репетиция Бранденбургского концерта Баха.

Sonata G^{ma} a Violino Solo senza Basso di
G. S. Bach

Handwritten musical score for Sonata G major for Violin Solo by J.S. Bach. The score is written on ten staves. The first staff begins with the tempo marking "Allegro". The music is in G major and 3/4 time. The notation includes various rhythmic values, slurs, and ornaments. The signature "G. S. Bach" is visible at the end of the piece on the tenth staff.

Соната для скрипки соль минор, написанная рукой Иоганна Себастьяна Баха

Все дирижёры – аристократы духа. Абязов не исключение. Загадочная аура всегда притягивает к нему внимание и музыкантов, и зрителей. Он как центр, замыкающий на себе все мысленные потоки. И возвращающий их обратно.

Рустем Абязов:

– О дирижировании я начал думать году в 1985, а весной 1986 решил реализовать это стремление и создал в музыкальном училище камерный оркестр. Но он просуществовал недолго – месяца три. Подготовленная программа не была исполнена – закончился сезон. А летом 1986-го неожиданно для себя стал директором ССМШ. Там создал камерный оркестр из учеников школы. Мы начали заметно набирать обороты. Ездили на гастроли в Чебоксары, Йошкар-Олу, Тольятти. И то, что этот оркестр заиграл, дало толчок к размышлениям о создании профессионального оркестра. В 1989 году наконец эта идея реализовалась. Я хотел, чтобы оркестр был очень мобильным: 3–4 репетиции – играем программу. Хотел было привлечь духовиков, но они все заняты, играют сразу в нескольких местах, что часто ведёт к откровенной халтуре, и тогда я окончательно остановился на струнном составе. Первое произведение, которое исполнил

оркестр, было «Времена года» Вивальди, в этом цикле первым стоит концерт «La Primavera» – «Весна». И когда через пару лет решили найти название для оркестра, вдруг выяснили, что все звучные музыкальные термины (типа «Камерата»), уже использованы. Мы тогда собрались на вечеринку, перелистали кучу музыкальных энциклопедий, но так ничего и не подобрали. И тогда в хоре, уже заметно подуставшем, кто-то обронил: «А что, если...» Так и появился камерный оркестр «La Primavera», а через некоторое время художник Рустем Назмиев придумал и логотип, сделав графический рисунок с «Весны» Боттичелли.

Логотип оркестра, созданный
художником Руستمом Назмиевым

После окончания в 1977 году ССМШ при Казанской консерватории Абязов окончил в 1982 году Московскую консерваторию по классу скрипки у профессора Ирины Бочковой. Отслужил в армии, затем с 1983-го по 1986-й работал со-

листом Татарской государственной филармонии. В 1986 году, приняв предложение Назиба Жиганова, стал директором родной музыкальной школы и пробыл им до 1996 года. В 1990 году окончил Казанскую консерваторию как композитор, обучаясь у Шамиля Шарифуллина. В 1991 был удостоен почётного звания «Заслуженный деятель искусств РТ», а в 1998 – звания «Народный артист РТ».

Анатолий Луппов, пианист, композитор, профессор Казанской консерватории:

– Абязов дирижирует абсолютно профессионально. Если он брал уроки дирижирования, то тогда понятно, но я не слышал об этом. А если он сам начал этим заниматься, то это божий дар. Дирижёрская техника – тёмное дело. Но ему сам бог велел быть дирижёром, даже если бы он и не хотел. Он красив, импозантен. Когда сам играет, особенно вальсы Штрауса, это производит сногшибательное впечатление.

Ирина Бочкова, скрипачка, профессор Московской консерватории:

– Рустем – мой ученик с середины второго курса. До этого он учился у Зори Шихмурзаевой. Очень умный, умеющий преодолевать трудности. Московская консерватория – это высокий уровень. Рустем был настойчив и играл очень сложные произведения. К моменту окончания достиг высокого

уровня. Но радовало и радует даже не это. Дело в том, что стереотип таков: пришёл, выучился, окончил, а через несколько лет становится заметен спад или застой. Начинают преподавать, совершенно забрасывая исполнительство. Без педагога, без присмотра теряется техника. И выходя всё же изредка на сцену, начинают фальшивить. А Рустем с каждым годом играет всё лучше. Я рада. Это очень редко. Он профессионально работает с оркестром. Научить музыкантов играть так, как хочет дирижёр, мало, надо ещё постоянно поддерживать высокий уровень регулярными репетициями. Это даже не многодневный, а многолетний труд. Это только разваливать легко, а на создание уходят многие годы.

Рустем Абязов дирижирует

Гузель Сайфуллина, музыковед ИЯЛИ:

– Сегодня Абязов – один из ведущих музыкантов в Казани и как дирижёр, и как скрипач, и как организатор. Он очень тонкий музыкант, что ощущается и в том, как он строит отношения с оркестром, и в том, как подбирает репертуар и программу каждого концерта. Это непросто. В каждом концерте должна быть своя идея. Рустем немногословен, точен, краток. Безусловный лидер. Он не просто исполнитель, читающий чужой текст, у него есть композиторское слышание, понимание изнутри. В нём есть хорошее ощущение

публики, он настоящий артист в хорошем смысле слова – всегда делает так, чтобы публике было интересно, приятно, а для этого надо уметь учитывать восприятие слушателей. Абязов меряет своё творчество мировыми мерками, и это позволяет ему на одинаковом уровне работать с музыкой разных авторов и времён. Он делает это равно интересно. Давая своим музыкантам возможность часто солировать в концертах, он поддерживает высокий исполнительский уровень каждого. Ведь сольное выступление позволяет взглянуть на себя со стороны, а заодно выявляет творческий потенциал каждого: кто-то от природы солист, а кто-то оркестрант. Это своеобразная «чистка» изнутри и одновременно поддержание честолюбия в хорошем смысле. Всё это вместе держит оркестр на высоком профессиональном уровне и создаёт прекрасную творческую атмосферу. У Рустема «чуткое ухо» и в отношении к старым мастерам, и в отношении к современной музыке. Такой диапазон только повышает мастерство музыканта. У его оркестра есть шарм, обаяние, профессионализм, заинтересованность во всём, что делают, и внимание к новому.

Марат Ахметов:

– То, что Абязов поступил в Московскую консерваторию, уже говорит о его высоком уровне. Конечно, там музыкантов форсируют, требования категоричные и высокие. Но это

и хорошо. Все подтягиваются до определённого уровня. По возвращении в Казань он начал свою деятельность активно, сразу проявил себя в нескольких планах. Имея собственную динамику самовыражения, начал раскрывать себя как оригинальный аранжировщик. У него продуманная репертуарная политика, что говорит о его таланте тактика, а движение оркестра на вершину признания и славы говорит о его таланте стратега.

Etude de Concert N°1

Erschienen: 1857

19. *A capriccio*

f *passionato* *acceler.*

dim. *non troppo presto* *riten.*

Allegro cantabile

più rit. *dolce* *legato* *appassionato con tenerezza*

col Ped. sempre

Этюд Ференца Листа

Борис Каплун:

– Мой дирижёрский опыт небольшой, я могу оценивать скорее как музыкант. С созданием камерного оркестра есть некоторые трудности. Скрипка, альт, контрабас, виолончель – тембры ограничены, в отличие от симфонического многотембрового звучания. Но Абязов создал хороший коллектив. Они берутся за большие, сложные программы, он сам хорошо перекладывает музыку. И с годами заметен рост. Играют тщательно, аккуратно и, главное, они – единомышленники, а это уже заслуга дирижёра. Я не делю музыку по стилям, я делю её на плохую и хорошую. Если зритель не получает удовольствия, работа оркестра не на уровне. Оркестр Абязова доставляет удовольствие.

Михаил Цинман, скрипач, концертмейстер оркестра Большого театра России:

– Как дирижёр он очень профессионален. Это редкое качество у музыкантов, которые «переквалифицировались» в дирижёры. Я смотрю на его руки и вижу, что он действительно управляет оркестром, а не просто машет под музыку, показывая себя. Он тактичен, великодушен и благороден по отношению к музыкантам как дирижёр. Он даёт им возможность раскрыть себя. Я с ним знаком с консерватории – вместе учились, играли в квартете. Он успешно учился и звучал очень тепло.

Первый раз после консерватории мы встретились, когда я приехал в Казань играть с симфоническим оркестром РТ с Фуатом Мансуровым. Тогда и договорились о совместном концерте. Так началось наше сотрудничество. Он замечательный музыкант и организатор. И создал чудесный оркестр – свежий, чистый, строгий, полностью оправдывающий своё весеннее название. А идея создания камерного оркестра витала в воздухе ещё с консерватории, даже что-то пробовали организовать там. Но не вышло. Рустем эту идею довёл до логического конца, при этом сохранив кристальную чистоту отношения к музыке, что в наше время ценное качество. Это определяет все достижения.

GROSSES CONCERT-DUO

über Themen aus „Robert der Teufel“

für Pianoforte und Violoncell

von

FRIEDRICH CHOPIN

und

AUGUST FRANCKHOMME.

Chopin's Werke.

Band XI. N° 4.

INTRODUCTION.
Largo. $\text{♩} = 112$.

Violoncello.

Pianoforte.

antefufo

leggero

cello

C. XI. 4.

Antebers 1880.

Концерт Шопена

Юрий Тканов, альтист, профессор Московской консерватории:

– Я приехал в Казань с подачи Миши Цинмана. Дело в том, что в музыкальной среде существует

внутрицеховой профессиональный рейтинг, и слухи о коллективах распространяются с завидной регулярностью – вот там-то есть приличный оркестр, с которым нескучно играть. И все друг друга оповещают о возможных творческих вариантах, поле деятельности-то ограничено. Хочется поиграть со многими, попробовать себя в разных планах. Рекомендация Цинмана оказалась даже слишком скромной. Я нашёл здесь солидных музыкантов, несмотря на их молодость, высокий профессиональный уровень подготовки оркестра и прекрасного дирижёра.

Анатолий Луппов:

– Среди музыкантов Казани Абязов наиболее талантлив во всех отношениях. Блестящий скрипач, которому нет равных, и талантливый композитор. Он первый, кто представил обработку татарских песен для скрипки с оркестром. У него это получилось интеллигентно, талантливо и красиво. Он вполне мог быть действующим композитором, но, как сам считает, занят более важным делом – своим оркестром. И вывел его на большую профессиональную высоту. Он дирижировал моими мелкими вещами и симфонией «Кара урман». Такого проникновения в музыку, которое сделал он, я никогда не слышал. Это было выше моих требований и похвал. Эта симфония на фестивале «Европа-Азия» в 1996 году была признана одним из лучших произведений. И это не только моя заслуга, но и его. Он дирижёр высочайшего класса,

его понимание музыки – явление. И всё это зиждется на замечательном образовании и воспитании. Я также считаю, что он один из немногих, кто восстановил старинное понятие о музыканте. Ведь, например, тот же Бах был и органистом, и скрипачом, и дирижёром, и композитором. Универсальность в полифоническую эпоху и в эпоху романтизма была нормой – композиторы становились за пультом, а скрипачи сочиняли музыку. Такое смешанное образование и воспитание считают сейчас на Западе лучшим. Абязов восстановил эту традицию у нас и поднялся на уровень мировых стандартов. И как композитор, который для него пишет, могу сказать, что с первых же совместных работ я готов отдавать ему всё, что написал и ещё напишу.

Tocatta e Fuga

en ré mineur / in D minor / in d-moll

Johann Sebastian Bach, BWV 565

Transcription pour Piano de Vincent A. Jockin.

TOCCATA — Adagio.

Musical notation for the beginning of the Toccata, measures 1-2. The piece is in D minor, 3/4 time, and begins with a slow (Adagio) tempo. The notation shows the right and left hands with various ornaments and rhythmic patterns.

Musical notation for the beginning of the Fuga, measures 3-5. The tempo changes to Prestissimo. The notation features rapid sixteenth-note passages in both hands, with triplets indicated by a '3' above the notes.

Musical notation for the Fuga, measures 6-7. The rapid sixteenth-note passages continue, with triplets and various rhythmic patterns in both hands.

Musical notation for the Fuga, measures 8-9. The rapid sixteenth-note passages continue, with triplets and various rhythmic patterns in both hands.

Musical notation for the Fuga, measures 10-12. Measure 10 is marked (Lento.) and features a change in texture with sustained chords and slower-moving lines. Measure 11 has a fermata. Measure 12 is marked (Allegro.) and returns to a faster tempo with sixteenth-note patterns.

Musical notation for the Fuga, measures 13-14. The rapid sixteenth-note passages continue in both hands.

Токката и fuga Иоганна Себастьяна Баха

Фуат Мансуров, художественный руководитель и главный дирижёр симфонического оркестра РТ, профессор:

– Рустем – бывший мой студент, но в те времена я не наблюдал у него склонности к дирижированию. И когда он меня однажды пригласил на свой концерт в КГУ, я был приятно удивлён. Это было добротное. Он серьёзный и пытливый музыкант, и то, что он делает, можно только всячески приветствовать.

Борис Тищенко, композитор, Санкт-Петербург:

– К Абязову меня направил глава «Нового передвижничества» Всеволод Всеволодович Задерацкий, и это было очень удачным знакомством. Я ему очень благодарен за то, что он так замечательно сыграл мою Третью симфонию. Она сложна тем, что в оркестре каждого инструмента по одному – одна флейта, одна скрипка, одна флейта-пикколо и т. д. Рустем приложил большие усилия, и физические, и моральные, дабы собрать такой состав для исполнения моего произведения. Результатом я остался более чем доволен. Я открыл для себя прекрасного дирижёра.

REQUIEM

Von

W. A. MOZART.

Köch. Verz. N° 626.

Mozart's Works.

Serie 24. N° 1.

Requiem.

Complet in Wien 1791.

Adagio.

Cornetti di Basso in F. (SO)

Fagotti. (SO)

Trombe in D. (SO)

Timpani in D.A. (SO)

Violino I. (SO)

Violino II. (SO)

Viola. (SO)

Soprano. (SO)

Alto. (SO)

Tenore. (SO)

Basso. (SO)

Violoncello, Basso ed Organo. (SO)

SOLO
Solo solo
Adagio.

Игорь Фролов, скрипач, композитор, профессор Московской консерватории, руководитель камерного оркестра «Московская камерата»:

– Я знаком с Абязовым со времён Всероссийского конкурса, в котором он участвовал, а я был председателем жюри. Потом я приезжал с гастролями в Казань, а однажды получил приглашение сыграть совместно с его оркестром свои сочинения для первой и второй скрипок. Это доставило мне искреннюю творческую радость. Авторы ведь очень трепетно относятся к исполнению своих произведений. Его оркестр, в котором все музыканты так молоды, отличается чистотой исполнения, а работа дирижёра – яркостью трактовки. Я очень доволен этой встречей.

Резеда Сабитовская, директор Казанского музыкального училища:

– Могу сказать, что он очень музыкален, артистичен, прекрасный скрипач и тонкий музыкальный исполнитель с хорошей скрипичной школой. Редко встречается человек таких разносторонних талантов и увлечений. В оркестре ему удалось собрать хороших музыкантов. И, я думаю, он счастливый человек, потому что смог реализовать себя так красиво и празднично.

Зиля Сунгатуллина, солистка оперного театра

им. М. Джалиля, профессор Казанской консерватории:

– Как только он появился в Казани, на него обратили внимание. Он начал с исполнения своих обработок татарских народных песен. Его трактовка была настолько своеобразна, что можно было говорить о новом звучании этого жанра. Потом он стал директором ССМШ – тоже успешно. А после создал и свой оркестр. Я несколько раз пела с ним и осталась довольна. Сейчас все значительные события в Татарстане не проходят без его участия. Он тончайший музыкант, образованный человек, дирижёр высокой культуры. У него всегда своё видение в музыке, удивительное чувство стиля. Он слышит нюансы. По моему, музыканты понимают его даже по взгляду. А ещё мне нравится, как он аккомпанирует.

DREI SONATEN

für Pianoforte und Violine

VON

L. VAN BEEHVEN.

Bethovras Werke.

Serie R. № 92.

F. A. Salicri gewidmet.

Op. 12. № 1.

Sonate №1.

Allegro con brio.

VIOLINO.

Allegro con brio.

PIANOFORTE.

The first system of the musical score for the Violino and Pianoforte parts. The Violino part is on a single staff with a treble clef and a key signature of one sharp (F#). The Pianoforte part is on two staves (treble and bass clefs) with a key signature of one sharp. The tempo is marked 'Allegro con brio'. The music begins with a rhythmic pattern of eighth and sixteenth notes.

The second system of the musical score, continuing the Pianoforte part. It features a series of sixteenth-note passages in the right hand and a steady bass line in the left hand. Dynamics markings include 'cresc.' and 'p'.

The third system of the musical score, continuing the Pianoforte part. It shows more complex rhythmic patterns and dynamics, including 'cresc.' and 'p' markings.

Соната Бетховена

Толибхон Шахиди, дирижёр и композитор из Таджикистана, участник III фестиваля «Европа-Азия, 98»:

– Я отдал Абязову своё произведение для исполнения на фестивале «Европа-Азия, 98» и ни минуты

не пожалел. Мне приходится много ездить, но такого оркестра не встречал давно. Это редкость. Когда я пришёл на репетицию своего концерта, то уже через пять минут понял, что мне здесь нечего делать. Высокий профессионализм – это полностью заслуга дирижёра. Я доволен, и, если ещё раз представится возможность поработать вместе, я её не упущу.

Георгий Кантор:

– Абязов – универсальный музыкант, органично сочетающий в себе блестящего скрипача и глубокого, с разносторонними интересами дирижёра. Он предан скрипке и всячески её пропагандирует. Он незаурядный композитор и аранжировщик. У него множество превосходных обработок для скрипки и оркестра, что повышает его музыкальный рейтинг.

Олег Сакмаров:

– Когда я приезжаю в Казань, я всегда даю Рустему прослушать свои работы и вижу, что, несмотря на то, что он занимается совершенно другой музыкой, он как настоящий, глубокий музыкант всегда понимает, о чём идёт речь. Он всегда может мне сказать, что и почему ему не нравится. Думаю, что «Аквариум» он не очень любит, он ему и музыкально, и психологически не близок, но он всегда объективен. Его оценка аранжировок и композиторских ходов всегда на профессиональном уровне. Разговаривать с ним на эти темы очень

интересно. А меня, в свою очередь, всегда интересует его деятельность. То, что он привозил в Питер, мне очень нравилось. Мне вообще нравится, как он выглядит во фраке – это вызывает у меня безумную радость и щенячий восторг. Нравится, как играет его оркестр. Он смог сохранить какой-то студенческий энтузиазм, в роке это называется «драйв». Такой напор есть в их работе на сцене. Его дирижёрские транскрипции очень яркие, броские. Подача доступная и оригинальная, люди в зале не скушают. Это дар. Он прекрасно знает природу инструментов, и поэтому звук сверкает. Многие композиторы пишут просто за роялем, не учитывая, а иногда не зная фактуру инструментов. А такой мастер своего инструмента, как Абязов, «вытягивает» из него всё, что можно. Скрипач он великолепный. Я его отношу к разряду экстраброских виртуозов. Есть скрипачи-интроверты, есть экстраверты. Именно последние становятся настоящими эстрадными кумирами в хорошем смысле. Сколько помню, он всегда был склонен к исполнению блестящих и ярких вещей. А нашей классической сцене, на мой взгляд, очень недостаёт подобных личностей. На академической советской сцене всегда царил культ серьёзной скуки, подальше от всякого намёка на юмор и живость. Абязов ломает эти стереотипы в исполнении. Он делает классическую музыку интересной. Не случайно на его концертах так много народа.

Liszt
Der Glückliche
(Wilbrandt)

Sehr bewegt und leidenschaftlich

Ноты Ференца Листа

Во время дискуссии в Ташёвке Сакмаров подтвердил эти слова, сказанные ранее.

Рустем Абязов:

– Никто не предполагал, что Олег пойдёт в рок или поп. И я не предполагал своего нынешнего поприща. Даже не готовил себя к этому. А Олега все прочили в большие учёные, потому что он поступил в Ленинградскую консерваторию при немыслимом конкурсе. В тот год было 17 мест и 16 медалистов. Осталось одно место на 30 претендентов, и на него взяли Олега. Я же готовил себя к роли скромного педагога в школе. Нас к этому приучали с самого

*начала: кроме как педагогами, вам всё равно никем
не стать.*

POLONAISE

[*Maestoso*]

(*Oeuvre posthume*)

16

p *f*

Tad. * Tad. * Tad. * Tad. *

f *cresc.* *rall.* *ff* *p*

Tad. * Tad. * Tad. * Tad. * Tad. *

dolce *sforz.*

Tad. * Tad. * Tad. * Tad. *

f *mf*

Tad. * Tad. * Tad. * Tad. *

f *p dolce*

Tad. * Tad. * Tad. *

Полонез Шопена

Олег Сакмаров:

– Неправда, ты уже в школе был ярким солистом. Мендельсона играл с оркестром.

Рустем Абязов:

– И тем не менее был готов к скромной роли. Я поменял менталитет только на 3—4 курсе консерватории, когда увидел, что все педагоги – играющие музыканты. Почему и мне не попробовать?

Олег Сакмаров:

– А у меня всегда было ощущение тебя как человека звёздного, лидера. Я всегда знал, что ты будешь всяким там лауреатом всяких конкурсов. Но дирижирование оказалось для меня неожиданностью.

Рустем Абязов:

– А вот ты уж совершенно неожиданно для меня стал специалистом в андеграунде.

Концерт Генделя

Олег Сакмаров:

– У меня уже несколько лет бродит идея использовать тебя с оркестром «в мирных целях». В чём-то авангардном. Но пока я не готов к этому ни морально, ни материально. Я давно заметил, что на твоих концертах от оркестра исходит сильная энергия. И я давно понял, что дело не в написанных нотах, а в том, какие люди их играют, что они при этом чувствуют, какие эмоции передают. Я в одном из своих альбомов использовал кусочек твоей записи «Дивертисмента» Моцарта. Вырезал его, обработал и построил на нём песню. Было интересно слышать внутри моей песни твой оркестр.

Рустем Абязов:

– То, что ты проповедуешь сейчас, – это в основном импровизация, а я в этом смысле всё-таки ретроград. Музыканты оркестра, выходя на сцену, всегда знают, что они будут играть. Во всяком случае, не то, что им взбредёт в голову в тот или иной момент. Я не отрицаю импровизацию вообще. Джаз, например, я просто обожаю. Но сам к этому не стремлюсь и не способен, наверное.

Ирина Сакмарова:

– Это просто конец века – есть переломные знамена. Музыка ведь меняется. И люди, её меняющие,

есть.

Олег Сакмаров:

– Да! Вот мы с Рустемом, например.

Ирина Сакмарова:

– Вы такие разные! Но отточены во всём своём творчестве.

Олег Сакмаров:

– Мы с Рустемом представляем самое лучшее, что сейчас есть в музыке. Дай бог, если у кого-то получится лучше, чем у нас. Должно быть много хороших оркестров, музыкантов и музыки. Чтобы нас повсюду окружала хорошая музыка.

Оставляю эту главу без комментариев...

Дирижирует маэстро Рустем Абязов

ЧАСТЬ 4 AGNUS DEI

Рустем Абязов – директор ССМШ

Карьерист

Любой нормальный человек думает о своей карьере. Абязов не только о ней думает, но и постоянно её делает. В 1983 году ему предложили должность преподавателя в музыкальной десятилетке, но в самый последний момент отказали. Потом кому-то в голову пришла мысль посадить его в «египетскую пирамиду» симфонического оркестра, но он не допустил этого. Московская консерватория всё-таки выпускает не десятых скрипок. За короткий срок он выбил себе ставку солиста филармонии и проработал там три года. Но и это не принесло удовлетворения. И когда в 1986 году ему предложили стать директором ССМШ, он согласился.

Александр Михайлов, директор ССМШ-лицея с 1996 года:

– Абязов принял школу не в лучшем состоянии. Он начал с того, что установил совершенно нормальные, тёплые человеческие отношения с преподавателями, а вскоре его полюбили и ученики. С приходом Абязова все начали чувствовать себя свободнее. Так как он сам учился в этой школе, он хорошо знал все её беды и потребности. Энергии ему было не занимать, он был молод, не так давно перед этим окончил Московскую консерваторию. У него был особый талант разговаривать и с преподавателями,

и с учениками. Но, несмотря на молодость и доброту, как директор был напористым, цепким, всегда умел за себя постоять и никогда не давал себя в обиду. За те 10 лет, что он руководил школой, он много для неё сделал: «пробил» статус лица – для педагогов это означало 15% надбавки к зарплате, для учеников – возможность обучаться по новой программе; добился получения отдельного здания для интерната, который с момента основания в 1960 году находился на первом этаже школы; купил компьютеры и различную аппаратуру. Да и вообще, проявил себя современным руководителем, не зацикленным. Когда я пришёл, мне ничего не пришлось кардинально менять, всё было налажено. Но, уйдя с поста директора, он не забыл школу. Мы общаемся регулярно. Однажды он меня очень выручил с организацией концерта певицы из Англии Рэйчел-Энн Морган. Она приехала в июне, не в сезон, в городе не было ни одного музыкального коллектива, с кем бы она смогла выступить. Абызов собрал своих музыкантов и устроил прекрасный концерт, где она пела шотландские песни, музыку Бриттена, Чайковского, Рахманинова. Ей так понравилось это действо, что она написала письмо президенту Шаймиеву с прекрасным отзывом об оркестре.

Но и директорское кресло спецшколы его не полностью удовлетворяло. Поэтому, когда он всё-таки добился для оркестра статуса муниципального, он оставил директорский

пост. Совместить две такие большие работы было просто невозможно, обе страдали бы от неполной отдачи. Конечно, любая школа может только мечтать о таком директоре, но что поделать, если человеку этого мало и он всегда стремится к большему.

Борис Каплун:

– Надо иметь мужество поменять надёжную должность директора специальной музыкальной школы на полную неизвестность и творческий поиск.

Ирина Бочкова:

– У него есть организаторский талант. Он умеет заставить людей работать. Когда всё делаешь сам, начинает не хватать времени и не всё получается хорошо. А он и сам успевал заниматься, и активно действовал как директор, и оркестр смог вывести на должный уровень.

Михаил Теплов:

– Я очень люблю эту школу. Атмосфера там правильная. Там дети – труженики. Университетские студенты 1—2 курсов по сравнению с учениками 10—11 классов почти все поголовно бездельники. А в школе все трудятся как пчёлки, с утра и до вечера. Для этого должны быть созданы соответствующие условия, а это уже полностью заслуга директора. И я очень жалел, когда он оставил директорство.

Да, я прекрасно понимаю, что нельзя разрываться на части и совмещать два таких больших дела, но для оркестра, на мой взгляд, это хуже. Будучи директором, он прекрасно знал всех учеников и мог выбрать кого-то для работы. Он фактически воспитывал музыкантов для оркестра.

Георгий Кантор:

– На посту директора ССМШ Абязов показал себя замечательным воспитателем. При нём школа достигла больших высот. Больше стало лауреатов различных конкурсов, появились скрипичные лауреаты, которых вообще не было, в основном были фортепианные. Это говорит о самом серьёзном его подходе и к воспитанию детей, и к их будущей карьере как музыкантов. За время его директорства школа повысила свой рейтинг на несколько порядков. Но в какой-то момент ему пришлось сделать выбор между школой и оркестром – он выбрал оркестр.

Зиля Сунгатуллина:

– Если бы он продолжал параллельно работать в школе, все бы выиграли. Он хороший педагог.

Олег Сакмаров:

– До меня доходили разного рода оценки и слухи о том, каким он был прекрасным директором. Меня это поразило. В таком хозяйстве, как специкола, вообще трудно разобраться. Я собственными глазами видел, например, что школа совершенно по-новому

выглядела после реставрации. При нём очень много учеников имели профессиональный рост, получали лауреатские степени. Этим ведь всем надо заниматься именно директору. Жаль, что он ушёл, но я прекрасно понимаю, что совмещать школу и оркестр невозможно.

Рустем Абязов

– Многие музыканты из оркестра прошли со мной долгий путь, который начинался ещё в школе. Я их воспитывал с восьмого класса. Потом консерватория, параллельно у некоторых уже шла работа в оркестре. Кто-то уехал в другой город, кто-то – в другую страну. Конечно, их жалко. Они были хорошо подготовлены. Принимать почти сложившихся музыкантов, которых надо дотянуть до моих требований, значительно сложнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.